

Роль интеллигенции

в формировании духовности среднего класса

А. В. Горбань

кандидат философских наук Таврического
национального университета имени
В. И. Вернадского

У статті розглядається проблема становлення середнього класу через призму формування його духовної складової. Підкреслюється, що будучи в даний час на пострадянському просторі досить аморфним утворенням, середній клас здатен тим не менше стати тією базовою ланкою, яка сприяє становленню громадянського суспільства.

Виділяється роль інтелігенції як інтелектуальної меншини, здатної зіграти роль ідеолога, «інтелектуального поводиря», вихователя середнього класу завдяки гуманітарній освіті.

Ключові слова: духовність, середній клас, громадянське суспільство, інтелігенція, гуманітарна освіта, ідеологія.

В статье рассматривается проблема становления среднего класса через призму формирования его духовной составляющей. Подчеркивается, что будучи на данный момент на постсоветском пространстве достаточно аморфным образованием, средний класс способен тем не менее стать тем базовым звеном, способствующим становлению гражданского общества.

Выделяется роль интеллигенции как интеллектуального меньшинства, способного осуществить роль идеолога, «интеллектуального поводиря», воспитателя

среднего класса посредством гуманитарного образования.

Ключевые слова: *духовность, средний класс, гражданское общество, интеллигенция, гуманитарное образование, идеология.*

In the article the issue of the middle class through the prism of the formation of its spiritual component. Emphasized that as being the former Soviet Union rather amorphous entity, the middle class can nevertheless be tiyeyu basic element that promotes the development of civil society. Wrought role of intellectuals as intellectual minority able to play a role ideologue, «intellectual eyed», middle-class educators through humane education.

Keywords: *spirituality, middle class, civil society, intellectuals, humanitarian education, ideology.*

В условиях транзитивного общества, отягощенного экономическим кризисом, исторический вызов ждет ответа, основу которого должна составить дееспособная идея. Не стоит ожидать, что такая идея появится из ниоткуда. Ее надо выстрадать, выносить и родить. Этот процесс выходит за рамки возможностей индивидуальных усилий. Он требует согласованного со-творчества на основе диалога, компромисса, толерантности и дистанции от любых форм ангажированности.

Представим одну из попыток выйти на рабочую идею и проверить ее дееспособность в условиях социально-экономического, политического, этнического и конфессионального разнообразия, доходящего до социального безобразия и девиантных форм поведения.

Важным направлением современных исследований ученого-гуманитария видит-

ся его ориентир на поиск той идеи, которая обеспечит подлинную правоспособность и дееспособность человека, основу которых составляют: жизнь и свобода, формальное равенство и справедливость. Без этих оснований индивид попадает в отчуждение от всех, от всего и от самого себя, а население получает диктатуру власти, коррупцию и статус общества рабов.

В условиях «транзитивного» общества постсоветского периода, где старая шкала ценностных ориентиров уже не работает, а новая еще не сложилась; где ситуация усложняется реальностью процессов глобализации мира, становлением информационного общества, обострением глобальных проблем, речь в научной среде ведется о новом, ноосферном мышлении. Поскольку ноосферное мышление проходит по реестру ответственного мышления, с ориентиром не столько на долг, сколько на совесть, то в поисках реального субъекта ноосферного мышления пристальное внимание обращено к интеллигенции. Вновь актуализируются вопросы о потенциале интеллигенции, о ее претензиях и ее предназначении или призвании.

Проблема интеллигенции сегодня актуальна не столько сама по себе, сколько по поводу ее возможности быть и стать духовным наставником, «поводырем», идеологом той части общества, которая способна, с одной стороны, к стабилизации общественных отношений на основе толерантности и партнерства, а с другой – к динамичному развитию современного общества на основе свободной конкуренции и законности в направлении трансформации его в общество гражданское.

В современной научной литературе к такой стабильной и, в то же время, динамичной части общества традиционно относят средний класс [1, 3-4, 13, 15].

Сегодня термин «средний класс» не сходит со страниц научной и публицистичес-

кой печати. Но все размышления о среднем классе, как правило, лежат в плоскости декларации о том, что «средний класс» – это панацея решения всех проблем постсоветского пространства. При определении понятия «средний класс» доминирует не системный, а случайный набор признаков, обусловленных скорее представлением о феномене среднего класса, а не ориентиром на его сущность [11, 14]. Его структура определяется по «остаточному принципу». Такой подход не столько открывает истину, сколько скрывает ее, приводя к очередному заблуждению.

«Средний класс» относится к тому типу конвенциональных понятий, которые используются часто и, как правило, без строгого смыслового наполнения [4, 9, 14]. Казалось бы, таков удел широкого круга терминов современного научного дискурса. Впрочем, справедливо и другое утверждение: если некое понятие действительно является конвенциональным, то, безусловно, должна существовать негласная договоренность о его условном значении. Сложность ситуации с понятием «средний класс» заключается в том, что в нем непроясненным остается как раз его условный смысл.

Характерно, что применение в научной литературе и повседневной коммуникации термина «средний класс» не приходит в противоречие с непроясненностью его значения [1, 3, 12-15].

Вводя в обиход термин «средний класс», можно констатировать нечто существенное для интерпретации современного общества и социальной идентичности основной массы его населения. Сравнивая разные общества, можно судить о мере их зрелости по тому, насколько развит в них «средний класс» («средние слои»).

Более того, порой складывается впечатление, что «средний класс» в нашем сознании оформился в виде определенного узла смыслов. С одной стороны, это претензия на научную категорию, которая характери-

зует «базовый» социальный класс любого общества современного типа. С другой – инструмент социального познания (семантического описания и интерпретации) модернизационной триады «индивид – стратификация – культура».

«Средний класс» можно рассматривать и как социальный факт, и как социальный конструкт, и как терминологическую условность, и как предмет социального анализа, и как строгий научный термин, и как эпистемологическую метафору [1, 3-4, 9-11, 13-15].

На сегодня термин «средний класс» строго не прописан в социальной науке. Несмотря на то, что он обладает удивительным зарядом познавательной притягательности, исследователи не стремятся ни к его дефиниционной ясности, ни даже к его жесткой дисциплинарной атрибуции. На аутентичность исследования отечественного «среднего класса» претендуют в равной мере как гуманитарии, так и экономисты, правоведа, социологи [1, 3, 9, 13, 15].

Позволим себе дать объяснения с попыткой расставить некоторые точки над «i».

Средний класс (middle class) – буквально, та часть общества, которая занимает по статусным позициям среднее положение между высшим и низшим классом.

Впервые термин «средние слои» (средний класс) применительно к обществу начал употреблять еще Аристотель. Он высказал идею, которая с тех пор регулярно повторяется многими учеными: чем больше будет средняя часть общества, тем стабильнее будет и само общество. В XX в. термин «средний класс» получил очень широкое распространение, поскольку именно в это время наблюдалось его резкое численное увеличение. Анализом среднего класса занимались М. Вебер, Н. Элиас, Л. Уорнер, Д. Голдторп и др. Даже марксисты, несмотря на абсолютизацию биполярности классовой структуры (пролетариат – буржуазия), признавали существование среднего класса,

относя его к промежуточным социальным группам. Наиболее глубоко и всесторонне проблемы среднего класса рассматриваются в рамках стратификационного (функционального) подхода в социологии.

В конце XIX столетия в Америке социально-сословная структура раннеиндустриального общества достигла такого состояния, когда социокультурная родственность некоторых срединных сословий стала настолько очевидной, что и родовое понятие, объединяющее их, возникло вполне естественно и логично. Термин «средний класс» уступил место понятию «средний класс». Понятие «middle class» описывало количественно немногочисленную группу высококвалифицированных профессионалов, репрезентирующих доходные, престижные и, главное, перспективные профессиональные занятия. Принадлежность к «middle class» необязательно требовала наличия значительной частной собственности, но непременно предполагала высокий образовательный ценз и ощутимо высокий на общем фоне трудящихся масс уровень индивидуальных доходов. Образование и доход, а также культ профессионализма, вплоть до нашего времени так и остались главными характеристиками американского «среднего класса».

В начале прошлого столетия понятие «middle class» было трансплантировано на европейский континент и с тех пор используется в европейских языках, как правило, в его оригинальной английской версии. Европейский «middle class» от американского принципиально ничем не отличался, за исключением более сложной истории своего рождения. Что не удивительно, если учитывать, что в основе кристаллизации «среднего класса» лежит процесс социального и культурного сближения различных сословно-профессиональных групп, каждая из которых в Европе имела гораздо более длительную, чем в Америке, предысторию.

В начале XX века к среднему классу относили мелких собственников и независимых предпринимателей. Но по мере развития «общества массового благосостояния» в развитых странах произошло повышение жизненного уровня квалифицированных работников наемного труда, которые существенно пополнили ряды представителей среднего класса. Кроме представителей таких элитных высокооплачиваемых профессий, как высшие менеджеры, адвокаты, бухгалтера, научные работники и т. д., на уровень среднего класса вышли и зарабатывающие немногим меньше торговые агенты, преподаватели школ и вузов, врачи, клерки, представители многих других массовых профессий.

Если на рубеже веков происходит сближение разных групп населения на основании их социального и культурного сходства (сходства профессионального и имущественного образа жизни), то для социальной консолидации (классовой солидарности) образуемого класса, безусловно, необходимы внутренние – и прежде всего культурные – «скрепы». Если же таковые не обнаруживаются, то вряд ли можно ожидать, что структурируемый класс станет «надежным» социальным образованием – прочным, долговечным и самодостаточным для самоидентификации наполняющих его социальных актеров.

Искомые «скрепы» буквально нащупывались – методом проб и ошибок. Как порождение «рациональной» цивилизации, «средний класс» видел себя в зеркале прагматических ценностей и материалистических критериев самооценки. И даже если «Я – средний класс» индивидуально мог переживать и артикулироваться в достаточно широкой палитре риторических возможностей, то «Мы – средний класс» чаще структурировался в форме внятного социального конструкта, отражающего, как правило, совокупность нескольких базовых

ценностей конкретного исторического момента.

Обнаружить стабильный и константный набор этих ценностей в истории западного «среднего класса» вряд ли удастся. Даже такие показатели, как частная собственность и доход, не только никогда не были главными и структурообразующими, но более того, по мере исторической эволюции «среднего класса» все больше маргинализировались. Схожая участь постигла и другой критерий «среднего класса» – профессионализм. И если в исходный период формирования «среднего класса» нельзя обнаружить строгого кадастра профессий, отвечающих критериям среднелассовости, то чем ближе исследователь подходит к нашему времени, тем более аморфной и всеобъемлющей становится профессиональная составляющая доктрины «среднего класса».

В качестве основных объективных критериев выделения среднего класса принято называть уровень образования и доходов, стандарты потребления, владение материальной или интеллектуальной собственностью, а также способность к высококвалифицированному труду. Кроме этих объективных критериев, большую роль играет субъективное восприятие человеком своего положения – то есть его самоидентификация как представителя «социальной середины».

Общества «переходного типа» в 90-е годы XX века как никогда актуализировали проблему корректного понимания социальной природы постсовременного «среднего класса». Открытым остается вопрос о структуре среднего класса. С одной стороны, его рассматривают как некое довольно однородное образование. При этом подчеркивается, что представитель среднего класса имеет более высокий доход и более выгодные условия труда, чем люди из низшего класса, но у него менее выгодные позиции по этим же параметрам, чем у лю-

дей, относящихся к высшему классу. С другой стороны – подчеркивается неоднородность среднего класса. Например, согласно современному британскому социологу Э. Гидденсу, внутри его можно выделить два «подкласса» [2]. Первый – «старый средний» класс – включает в себя мелких предпринимателей. Он характеризуется непостоянством численности, хотя его удельный вес в составе населения остается довольно высоким. Это является результатом того, что постоянно происходит процесс выбывания разорившихся предпринимателей, который уравнивается притоком новых людей, желающих попробовать свои силы в собственном бизнесе. Второй – «новый средний» класс – состоит из высокооплачиваемых наемных работников, как правило, занятых интеллектуальным трудом. Высший слой «нового среднего» класса включает менеджеров и специалистов, работающих в сфере крупного бизнеса. Эти люди, как правило, имеют высшее образование и являются высококлассными специалистами. К низшему слою относятся учителя, врачи, конторские служащие и т. д. Это очень разнородная группа людей, по многим параметрам схожая с рабочим классом.

Являясь основной социальной группой, средний класс развитых стран выполняет ряд очень важных социальных функций.

Базовой среди них выступает функция социального стабилизатора. Добившись определенного места в социальной структуре общества, представители среднего класса склонны поддерживать существующее государственное устройство, которое позволило им достигнуть их положения. Следует учитывать, что средний класс играет ведущую роль в процессах социальной мобильности, и это также укрепляет существующий социальный строй, предохраняя его от социальных катаклизмов. Недовольство низшего класса своим положением уравнивается представленными

им вполне реальными возможностями для повышения статуса в обществе.

Кроме стабилизирующей функции, средний класс играет важную роль и в других социальных процессах.

В сфере экономических отношений средние слои выполняют роль экономических доноров – не только как производители огромной части доходов общества, но и как крупные потребители, инвесторы и налогоплательщики.

В культурной сфере средний класс является культурным интегратором – хранителем и распространителем ценностей, норм, традиций и законов общества.

Средний класс поставляет кадры чиновников и управленцев разного ранга – как для государственного аппарата, так и для бизнеса. Саморегуляция гражданского общества также основана на активности представителей среднего класса. Эту его роль называют функцией административно-исполнительного регулятора.

В странах «третьего мира» средний класс – это, как правило, относительно небольшая группа людей. Относительная малочисленность среднего класса приводит к тому, что он не может полноценно выполнять те же функции, что в развитых странах. Это является одной из причин и, в то же время, следствием социально-экономического отставания развивающихся стран.

Сегодня на постсоветском пространстве в целом и на Украине в частности, когда социальная поляризация и дифференциация обретают свое нормативно-легитимное значение, рассуждения о «среднем классе» становятся и более обоснованными, и более обстоятельными. Все чаще в повседневной коммуникации можно столкнуться с обыденной логикой рефлексии «в среднем», что, возможно, чаще всего оказывается тождественным рефлексии «нормального», неаномичного. Сегодня социальные крайности ощущаются постсо-

ветским человеком конкретно, и поэтому гораздо последовательнее выглядит стремление людей к самопознанию себя через символы социокультурной середины, пусть даже и в логике повседневного суждения о том, что сегодня «худо, дальше некуда, но все так живут». В любом случае современный дискурс срединности, отражает как раз стремление людей не выпасть из «нормы».

Украина, все постсоветское пространство, впрочем, как и другие развитые страны западного мира, переживает переход к глобальному обществу. Но в условиях постсоветского пространства этот цивилизационный переход сопровождается сломом старой тоталитарной политической системы и планового способа организации хозяйства. Поэтому установка на нестандартность (рефлексивность) жизненного пути человека приходит в противоречие с практической сложностью реализации принципа свободы жизненного выбора человека. Бедность социальных условий порождает бедность социального выбора. Примером данного утверждения служат наши, украинские реалии.

«Средний» постсоветский человек поступает нестандартно скорее по воле обстоятельств. И будучи поставленным в условия крайне узких возможностей жизненного выбора – в трудовой деятельности, или в досуге, уже не важно, – «средний» постсоветский человек по-прежнему оценивает свои жизненные достижения в шкале «простой» современности, т. е. преимущественно по результатам своей активности.

Этого культурного конфликта возможностей и притязаний достаточно, чтобы понять, что сегодняшнее постсоветское общество по ряду обозначенных причин скорее является обществом симуляционной срединности. В нем «средний класс» еще не может жить и чувствовать себя по-новому («рефлексивно»), не способен ре-

ализовать себя среднеклассово, осознать себя как класс через результаты своих жизненных достижений (положение, деньги, успех, слава).

«Средний класс» на постсоветском пространстве все еще остается привлекательной «утопией». Пока что он представляет собой механический конгломерат больших и малых образований социума. В каждом из них есть свое интеллектуальное меньшинство со своим ориентиром на именно эту социальную группу. Проблема состоит в том, как выявить и включить механизм достижения соборности внутри среднего класса, как единого социального образования. Эту проблему, на наш взгляд, может решить только интеллигенция. Она способна предложить жизнеспособную идею Общего Дела, когда все социальные образования, объединяемые рядом признаков в средний класс, поймут, что только через реализацию этой идеи можно осуществить свои идеи гораздо лучше и продуктивнее, чем отдельно и в разрыве с другими социальными группами [11].

Средний класс уже не «измеришь» постарому, а развиваться по-новому ему мешают социально-политические обстоятельства. Однако социального ощущения симуляционной срединности, как кажется, может оказаться вполне достаточно, чтобы оценить вектор динамики постсоветского общества. «Новый средний класс» воспитывается вкусом к нестандартности жизненного пути человека. И эта «уживаемая» индивидуализация подкреплена чувством политической лояльности «нового среднего класса». Но отныне она направлена не к державной политике идеократического государства, а к политике социальных изменений.

Важнейшее социальное изменение, где не только проявляется интерес среднего класса, но и каковое является жизненно необходимым для его становления, является курс на формирование особого инсти-

тута социальной жизни, состоящего из ассоциаций свободных и равных людей, курс на становление гражданского общества.

Исходя из вышесказанного, следует отметить насущную необходимость проработки в русле различных научных направлений и, прежде всего, учеными-гуманитариями комплексного и системного исследования феномена среднего класса, путей его становления и развития в условиях общества трансформационных процессов, когда обрушилась старая шкала ценностей, а новая еще не сложилась.

Отправными точками предложенного исследования должны являться: обоснование предельных оснований бытия среднего класса и определение его онтологического статуса; рассмотрение истории идеи среднего класса и механизма ее осуществления; исследование социально-экономических, социально-политических, социокультурных и социально-правовых его аспектов; размышление о вероятной стратегии и тактике становления и развития среднего класса в условиях общества транзитивности и глобализации, о его идеологии Общего дела. И транзитивность, и глобализация мира несут в себе неопределенность и психологическую напряженность, что, в свою очередь, создает условия для противостояния. Вопрос, что лучше – противостояние или согласие – не только риторический, но и практический. Он ориентирован на поиск той силы в обществе, которая заинтересована в поиске согласия. И такой силой может быть «средний класс».

В противостоянии победителя вообще не бывает, о чем свидетельствует вся история человечества. Только выбор идеи гражданского согласия и адаптация этой идеи на уровне среднего класса являются наиболее разумными и оптимальными. Но этот выбор еще надо сделать, преодолевая сомнения инертного большинства. Получив в среде среднего класса своих адептов

и апологетов, идея гражданского согласия может превратиться в силу созидания мира и благополучия [7].

Востребованность среднего класса обрела особую актуальность в условиях постсоветского пространства, где перемены на рубеже современных веков привели к активному поиску ценностных ориентиров, отражающих как преемственность исторического развития, так и необходимость определения цели, способной соединить общее и единичное, осмыслить ключевые принципы развития мирового процесса и обеспечить усилия, ориентированные на то, чтобы сделать жизнь общества более человечной, а человека – более общественным (совершенным).

Но кто же может выступить тем идейным вдохновителем, способным сформировать в рядах основной массы среднего класса идеи гражданского согласия, как основы его духовности, базиса Общего дела – основы становления гражданского общества? Наш ответ – интеллигенция.

Интеллигенция – это определенный ресурс модернизации общества, его духовный наставник, интеллектуальный поводырь, интеллектуальное меньшинство с ориентиром на поиск идей, которые должны лечь в основание ответа очередному историческому вызову. Деятельность интеллектуального меньшинства далеко не всегда воспринимается благожелательно и, тем не менее, эта деятельность абсолютно необходима. Интеллигенция должна выполнить свое предназначение. Но уже в этом сокрыта проблемная ситуация. Дело усложняется еще и тем, что сама интеллигенция – это тоже проблема. Поскольку остается открытым вопрос о способах, формах и методах реализации интеллигенцией своего предназначения. Наиболее важная и слабо разрешимая на сегодняшний день проблема состоит в том, что интеллигенция практически отчуждена, не имеет прямого отношения к средствам производства [5, 8].

Важнейшей задачей интеллигенции является ее участие в осуществлении гуманитарного образования, которое не только средство просвещения среднего класса, формирования его идеологии Общего дела, но и важнейший фактор преемственности поколений.

Подводя итог, следует отметить следующее:

– существует неразрывная связь в осуществлении двух процессов: формирования среднего класса и создания условий и предпосылок становления гражданского общества. Средний класс выполняет роль условия или специфического фактора становления гражданского общества. Он обеспечивает экономические, политические и социокультурные основания гражданского общества.

– Становление среднего класса невозможно без формирования его духовности, в основе которой лежит особая идеология. На повестке дня стоит вопрос о субъекте данной идеологии. Это – интеллигенция, а в нашем случае – интеллектуальное меньшинство, находящееся как вне, так и внутри среднего класса.

– Основой духовности, идеологией среднего класса является идея Общего дела – это отношение к становлению и развитию гражданского общества, когда средний класс – не просто абстракция, а реальность, когда все участники выступают с мерой ответственности за гражданское общество, заявляя о себе в статусе консолидированного субъекта социальной активности в системе координат общественного развития, где вертикаль власти и горизонталь социальных коммуникаций демонстрируют потенциал движения к номосу или аномии, к космосу или хаосу.

Важным направлением востребованности интеллигенции является интеграция совместных усилий в интеллектуальном поле, независимо от противоречий, которые несут в себе факторы этнической

принадлежности и конфессиональных пристрастий. Основной вектор этих усилий видится в противодействии деструктивным процессам современной культуры, которая находится в состоянии кризиса. Интеллигенции следует более активно проявлять себя в актуализации проблем духовного характера, в противостоянии аполитической деморализованности общества. Её задача

состоит в артикуляции проблем социального развития, в частности, таких, как культура СМИ, рекламы, культура речи, этическая и экологическая культура; формировании идеологии среднего класса с ориентиром на адаптацию идеи Общего дела, от результатов которого зависит судьба гражданского общества – надежды XXI века в условиях транзитивности и глобализации мира.

Литература

1. *Александрова О. С.* Специфіка становлення та розвитку середнього класу в умовах перехідного періоду сучасного українського суспільства. / О. С. Александрова. – Суми : Університетська книга, 2008. – 364 с.
2. *Гидденс Э.* Социология / Гидденс Э. ; [пер. с англ.; общ. ред. Л. С. Гурьевой, Л. Н. Иосилевича]. – М. : Эдиториал УРСС, 1999. – 704 с.
3. *Голенкова З. Т., Игитханян Е. Д.* Средние слои в современной России. – Социологические исследования. – 1998. – № 7.
4. *Заславская Т. И., Громова Р. Г.* К вопросу о «среднем классе» российского общества. – Мир России. – 1998. – № 4.
5. *Кальной И. И.* О притязании и призвании интеллигенции / И. И. Кальной // Ученые записки ТНУ им. В. И. Вернадского. Серия «Философия. Социология». Т. 21 (60). – № 3. – Симферополь, 2008. – С. 4-11.
6. *Кальной И. И.* Гуманитарное образование и воспитание: социально-философский анализ / И. И. Кальной // Культура народов Причерноморья. – 2009. – № 164. – С. 14-18.
7. *Кальной И. И.* Гражданское общество как одна из составляющих системы координат общественного развития / И. И. Кальной // Ученые записки ТНУ им. В. И. Вернадского. Серия «Философия. Социология». Т. 17 (56). – № 2. – Симферополь, 2004. – С. 3-12.
8. *Кизима В. В.* Интеллигенция, ценности и смыслы в меняющемся мире / В. В. Кизима // Культура народов Причерноморья. – 2009. – № 164. – С. 18-22.
9. *Левада Ю. А.* «Средний человек»: фикция или реальность? // Левада Ю. От мнений к пониманию. – М. : Московская школа политических исследований, 2000. – С. 288-304.
10. *Резник Ю. М., Шоркин А. Д.* Социокультурные основания гражданского общества / Ю. М. Резник, А. Д. Шоркин // Гражданское общество: истоки и современность. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2006. – С. 218-306.
11. *Резник Ю. М.* Введение в социальную теорию / Ю. М. Резник. – М. : Институт востоковедения РАН, 1999. – 514 с.
12. *Резник Ю. М.* Парадоксы и перспективы гражданского общества / Ю. М. Резник // // Ученые записки ТНУ им. В. И. Вернадского. Серия «Философия. Социология». Т. 17 (56). – № 2. – Симферополь, 2004. – С. 13-29.
13. *Средний класс в современном российском обществе / Под ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой и А. Ю. Чепуренко.* – М. : РНИСиИП/РОССПЭН, 1999.
14. *Согомонов А.* Средний класс и образование: QUID PRO QUO? (конфликт толкований и концептуальная повестка на XXI век) // Отечественные записки. – 2002. – №2. – С. 38-46.
15. *Умов В. И.* Российский средний класс: Социальная реальность и политический фантом. – Политические исследования. – 1993. – № 4.